

Развеять скуку провинциальной жизни: общественный досуг в городах дальневосточной окраины в 1850—1870 гг.

Татьяна Зиновьевна Позняк,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.

E-mail: tzpoznyak@mail.ru

В данной статье рассматривается общественный досуг в дальневосточных городах на начальном этапе освоения. В условиях малочисленности местного общества, информационной оторванности и географической отдалённости региона от центральных районов империи повседневные развлечения горожан ограничивались взаимными визитами, семейными и холостяцкими посиделками, охотой, прогулками на свежем воздухе, чтением с трудом доставаемых книг. Современники замечали за местным обществом склонность к пьянству, игре в карты, сплетням и бесконечным однообразным разговорам. Специфические дальневосточные развлечения того времени — посещение маньчжурских ярмарок, встреча пароходов во время навигации, катание на собачьих упряжках, авантюрные и опасные для жизни игры и розыгрыши. Важнейший мотив организации общественного досуга в дальневосточных городах — необходимость скрасить рутинную и довольно скучную жизнь. При этом воссоздавались привычные для российского образованного общества практики проведения досуга. В Николаевске-на-Амуре во время Крымской войны благодаря обилию офицеров и чиновников энтузиасты попытались выйти за рамки привычных развлечений, организовав морское собрание, или офицерский клуб. Его появление значительно разнообразило повседневный и праздничный досуг местного общества. В собрании организовывались танцевальные и литературно-драматические вечера, балы, спектакли. Первые попытки организации досуга в других городах и военных постах — народных гуляний, танцевальных вечеров, концертов, любительских спектаклей — совершались немногочисленными общественными организациями.

Ключевые слова: город, досуг, Дальний Восток, местное общество.

To Chase Away the Boredom of Provincial Life: Public Leisure Activities in the Russian Far-East's Outskirts in 1850—1870.

Tatiana Poznyak, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: tzpoznyak@mail.ru

The paper discusses public leisure activities in the towns of the Russian Far East at the initial stage of its development. Under the conditions of the local society's paucity, detachment from the information sources and the region's geographical remoteness from the empire's central regions, the citizens' daily entertainment were limited to mutual visits, family and bachelor chat-ins, hunting, walks outdoors,

reading the hardly procured books. The contemporaries noted that the local society was prone to insobriety, playing cards, gossip and endless monotonous conversations. Specific Far-Eastern entertainment of that period included visiting Manchurian fairs, welcoming vessels during navigation season, dog sledding, adventurous and life-threatening games and pranks. The essential motive of public leisure activities in Russian Far-Eastern towns was the necessity to relieve monotonous and quite boring life. They required reconstruction of leisure practices habitual for Russian educated society. In Nikolaevsk-on-Amur during the Crimean War, thanks to abundance of military officers and government officials, enthusiasts made an attempt to go beyond the limits of common entertainment: they settled a navy assembly, or an officers' club. Its creation enlivened the daily and holiday leisure time of the local society substantially. Dancing, literary and drama nights, balls and plays were organized in the assembly. The first attempts to organize leisure activities in other towns and military posts — folk festivals, dancing nights, concerts, amateurs' plays — were made by sparse public organizations.

Key words: town, leisure time, Russian Far East, local society.

Досуг, или проведение свободного от работы времени, органично входит в структуру повседневной жизни горожан и является её важным элементом. Изучение общественных развлечений дореволюционной России стало пользоваться популярностью среди научного сообщества в 1990-е — начале 2000-х гг., когда появилось множество работ, освещающих различные аспекты этой темы применительно как к столичным городам, так и к провинциальным [3, с. 248—341; 5, с. 75—149; 6; 7; 10; 16]. Ряд исследований посвящён общественным объединениям и их роли в организации досуга горожан и становлении гражданского общества в имперской России [11; 18].

Целью статьи является изучение различных практик проведения общественного досуга в городах дальневосточной окраины в 1850—1870-х гг. Под досугом понимается время, не занятое какой-либо профессиональной деятельностью, свободное от дела, близкое к праздности, не означающее полного безделья, хотя и включающее его. Определение досуга является дискуссионным и по-разному понимается исследователями. По мнению С. Ловелла, например, досуг «представляет собой свободу от обязанностей, связанных с зарабатыванием на жизнь, и психофизиологических императивов, таких как еда, сон, покой, а также освобождение от обременительных и практически неизбежных нетрудовых обязательств (домашние дела, забота о детях, участие в работе местной власти...)». Учёный также исключает из досуга ритуализованные, наполненные условностями и принудительные формы культуры развлечений, вроде балов, парадов [7, с. 141—142]. С этим трудно согласиться, иначе большинство досуговых практик в имперской России нельзя отнести собственно к досугу, так как все они были обременены условностями и ритуализованы — визиты, танцевальные вечера, массовые гуляния и пр. Вряд ли стоит

впадать в крайности, хотя и напрашивается аналогия — для жён чиновников (особенно высокопоставленных) участие в большинстве развлекательных мероприятий можно рассматривать как труд, обязанность.

Исследование затрагивает южные районы Дальнего Востока России — Амурскую и юг Приморской области, интенсивное освоение которых началось с середины XIX в. В это время городской статус имели Николаевск-на-Амуре (1856), Благовещенск (1858), и только к концу рассматриваемого периода его получили Владивосток (1875), Хабаровск (1880). Статус города и окружного центра с 1858 по 1896 г. имел Софийск, фактически представлявший собой небольшое село, число жителей которого даже в период наибольшего подъёма не превышало 600 чел. [14, с. 22—36].

Дальневосточные города и военные посты, особенно в первые годы существования, не могли похвастаться сложившимся городским обществом. На начальном этапе освоения региона их образованное население составляли в основном офицеры сухопутных и морских воинских частей и немногочисленные чиновники и купцы. Постоянных жителей в городах было мало, неизменно наблюдались отток лиц, которые пробыли несколько лет в регионе, и приток нового пополнения. Яркую характеристику населения Владивостока дал в отчёте за 1884 г. военный губернатор А.Ф. Фельдгаузен: «...главным образом войско и чиновничество дают Владивостоку вид русского города. Женского пола весьма недостаточно... преобладание мужского элемента, безсемейного большинства, тоска по родине отражается крайне дурно на нравственном состоянии населения, порождая разврат, пьянство и вообще разнузданность, в особенности в низших слоях общества» [РГИА ДВ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 382. Л. 370—370 об.]. Хотя эти слова относятся к более позднему времени, они отражают положение дел во всех дальневосточных городах на заре их существования. Сообщение с европейской частью России морем и сухопутным путём и по Амуру осуществлялось в основном в летние месяцы, зимой — санным путём через Сибирь, весной и осенью во время распутицы и ледостава территория оставалась отрезанной от остального мира. Всё это накладывало огромный отпечаток на повседневную жизнь дальневосточной окраины и досуг её обитателей.

В первых городах — административных центрах Приморской и Амурской областей, Николаевске-на-Амуре и Благовещенске — положение в сфере досуга обстояло несколько лучше, чем в военных постах с небольшим, преимущественно военным, населением. Но даже в них круг развлечений был весьма ограниченным.

Судя по воспоминаниям участника Амурской экспедиции и первого начальника Николаевского поста А.И. Петрова, повседневные развлечения включали в себя только холостяцкие посиделки и редкие посещения семейных домов, совместные обеды «по праздникам в эполетах», карты, чтение немногочисленных, доставаемых с трудом книг [13, с. 195]. Игра в карты была одним из самых излюбленных и доступных развлечений, кружки формировались из любителей какой-либо игры. Друзья Петрова

и он сам предпочитали бостон: «С приходом моим¹ опять пошли бостоны, чаще всего мы бывали у Каменских — два раза в неделю, а случалось и чаще. Бостоньеры были те же... На другой стол составлялся дамский бостон, где забавлялись наши жёны с двумя кавалерами. Ещё составлялся бостон у В.М. Бабкина, куда тоже приходил Каменский. И в эту зиму он жил один, а его дражайшая половина в Иркутске... Нередко бостоны бывали и у нас...» [13, с. 322—323]. Кроме бостона были распространены стуколка², вист, преферанс и др. В этом и состояла уникальность карточной игры — за счёт разнообразия видов удовлетворять любые игровые потребности участников [4, с. 88—105]. Большинство карточных игр, распространённых на дальневосточной окраине, были развлекательными и позволяли сочетать отдых, удовольствие от игры и общение с другими участниками. За картами порой засиживались до утра, а некоторые игроки проводили за этим занятием целые дни.

По мере роста населения и увеличения числа семейных офицеров и чиновников общество разделялось на кружки по интересам и симпатиям, но основное времяпрепровождение оставалось прежним — взаимные визиты и обеды по особым случаям (именины, награждения). Визиты были обязательной практикой российского общества того времени, дальневосточная окраина не стала исключением, лица, которые в силу каких-либо обстоятельств не могли совершить положенные визиты, вносили некоторые суммы в кассы благотворительных обществ или местных собраний. Фактически непреложной была обязанность сделать визиты для семейных лиц, вновь прибывавших в город и отъезжавших на родину.

В среде холостяков посиделки нередко заканчивались попойками. А.И. Петров писал об именинах, которые совместно устроили несколько офицеров: «Были приглашены все аристократы Николаевска, т.е. флотские и некоторые из приехавших чиновников, а также губернатор³ и А.Н. Хитрово. Сперва всё шло чинно. Играли в карты, ужинали, но когда Казакевич ушёл, пошли писать. Пили, пели, пили и пели. Проигрались все. Я никогда в жизни ни раньше, ни после не был так пьян, как тогда. Шампанское лилось, в полном смысле слова, не столько в рот, сколько на столы — до того были пьяны» [13, с. 230—231]. Для многих пьянство стало единственным спасением от скуки провинциальной жизни, особенно оно было распространено среди холостых чиновников, офицеров, купечества.

Летом кроме домашних обедов устраивались пикники, многие семейные офицеры и чиновники имели приусадебные участки с огородом

¹ После возвращения в Николаевск по окончании навигации по Амуру в 1860 г. А.И. Петров уже был женат. В итоге сформировался кружок из нескольких семей и некоторых холостых офицеров и чиновников.

² Распространённая в XIX — начале XX в. игра в карты называлась так потому, что игрок объявлял о своём желании играть не словами, а лёгким постукиванием костяшек пальцев по столу. URL: http://www.durbetsel.ru/2_stukolka.htm.

³ П.В. Казакевич — военный губернатор Приморской области.

и небольшим садом или фермы. Из повседневных нехитрых развлечений можно упомянуть ещё совместные чаепития, пешие и верховые прогулки по городским улицам и окрестностям, встречи на пристани приходящих с верха Амура судов [13, с. 295—296].

С.В. Максимов, побывавший в Николаевске в 1861—62 гг., весьма нелестно отозвался о местных условиях жизни, когда «...почта ходит 5—6 раз в год, корабли приходят из Америки и привозят чужие, непитательные новости. Николаевский американец, получивши товар и газеты, выпьет лишнюю бутылку виски на радости; николаевский русский, не получивший ни того, ни другого, всё-таки выпьет лишнюю бутылку двойного портера, может быть, в сотый раз, — с горя. Тоскуя в одиночестве и вдали от родины, он в своих стремлениях может быть не только однообразен, но даже эксцентричен» [8, с. 321]. Среди местных развлечений отмечены как обычные для всех провинциальных городов — сплетни, азартная игра в карты, «рутинный круговой разговор почти всё об одном и том же» в семейных кружках, так и весьма специфичные: «...некоторые находят главное своё удовольствие в езде на собаках с утра до вечера и достигают в этом занятии каюра завидных результатов и виртуозности» [8, с. 321—322].

Скука и однообразие жизни приводили к пьянству среди офицеров. В рапорте начальника медицинской части военному губернатору Владивостока в сентябре 1885 г. отмечались изменения в лучшую сторону во Владивостоке в сравнении с Николаевском-на-Амуре в отношении пьянства: «Когда 27-й Камчатский экипаж был переведён в Николаевск под названием Сибирской флотилии, то суда ежегодно запирались во льдах Амура на целых 6 месяцев и более, и офицеры предавались полному ничегонеделанию при постоянной борьбе с неприязненностью климата и крайним недостатком во всём, что составляет насущные потребности образованного общества... Таковое положение изменилось резко по переноске порта во Владивосток, и мы можем... в последнее время свидетельствовать улучшение с каждым годом» [РГИА ДВ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 382. Л. 329 об. — 330].

Праздники были богаче на развлечения и хоть сколько-нибудь скрашивали однообразие повседневной жизни далёкой окраины. В Николаевске на Рождество и Новый год 1854—55 гг. были устроены снежные горки и качели, танцевальные вечера в солдатских казармах и в семействах у казаков, на последних бывали и офицеры. Офицеры с участием двух дам Е.И. Невельской и Е.О. Бачмановой поставили две пьесы «Городничий» и «Женитьба». И хотя зрителей было мало, для неизбалованных развлечениями офицеров театр стал приятным удовольствием. «Этот театр такое оставил впечатление, что я и до сих пор помню некоторых, кто играл. Но, конечно, между всеми забавами карты играли главную роль» [13, с. 196]. На Новый год приём устроил Г.И. Невельской.

Во время Крымской войны в навигацию 1855 г. в посту собралось большое число офицеров с фрегатов «Аврора» и «Паллада», шхуны «Хэда»,

транспортов «Двина» и «Иртыш», корвета «Оливуца», оставшихся там зимовать. Среди офицеров и чиновников в Николаевске-на-Амуре появились энтузиасты, заинтересованные в организации досуга и общественных развлечений, была сделана попытка выйти за рамки привычных развлечений, учредив морское собрание или офицерский клуб. На Большой улице построили отдельное двухэтажное здание, нижний этаж которого занимали помещения клуба — столовая, бильярдная, зал, гостиная, уборная и два выхода на обе стороны, а на втором располагались комнаты для холостых офицеров и чиновников. Открытие клуба 6 декабря 1855 г. было отмечено молебном, торжественным обедом и танцевальным вечером. Впоследствии такие танцевальные вечера стали традиционными. В клубе офицеры и их семейства отмечали Новый, 1856 год [13, с. 207—209, 215, 218].

На первых порах ввиду малолюдности образованного общества, нехватки женщин и отсутствия места для развлечения гражданского населения обычно жёсткая регламентация такого рода сообществ не соблюдалась, и морское собрание посещали кроме военных чиновники и купцы. В обычные дни члены клуба — офицеры — собирались там, чтобы поиграть в бильярд и карты, почитать книги и газеты, а также пообедать и поужинать. Столовая при клубе была местом питания большинства офицеров поста. Обед и ужин можно было получить, уплатив 20 руб. в месяц.

В 1850-е гг. праздничные развлечения в клубе ограничивались любительскими спектаклями, балами и танцевальными вечерами. Несмотря на плохую игру любительского оркестра, публика танцевала почти до утра. Участник этих событий А.И. Петров писал в своих записках: «На праздниках в клубе были обеды и вечера, на которых я с удовольствием бывал. Тут я первый раз в жизни, хотя и плохое, видел клубное и общественное удовольствие. Под весьма плохую музыку, состоявшую из самоучек-камчадалов: двух скрипок (один левша), барабана, тарелок и треугольника — всего пять человек, танцевали с удовольствием. Было всего одиннадцать дам... «Восьмёрке» отдавали преимущество. Нужно было видеть, с каким увлечением танцевала молодёжь до двух и трёх часов утра» [13, с. 216]. Самым популярным развлечением среди офицеров и их жён были любительские спектакли: на новогодние праздники 1855—56 гг. играли «Ревизора», а в течение зимы — ещё три пьесы Н.В. Гоголя [13, с. 215, 218].

Летом общественная жизнь в собрании затихала, так как большинство военных судов во время навигации отправлялись в походы и экспедиции. С осени 1856 г. начались обычные клубные вечера, но танцевали уже под оркестр из двадцати человек, им руководили два унтер-офицера-музыканта, которые выучили способных молодых матросов и юнг игре на музыкальных инструментах [13, с. 289]. На Рождество кроме танцевальных вечеров поставили несколько любительских спектаклей. «На праздниках два раза был театр офицерский в одной из недостроенных казарм и один раз у себя играли кадеты Штурманского училища. Во всех этих

празднованиях был очень забавен кадет Петров — комик. Не видевши ни разу никакого театра, он играл превосходно» [13, с. 291].

В 1860 г. военный губернатор Приморской области П. В. Казакевич хлопотал в Петербурге средства на строительство нового клуба, и в 1862 г. офицерское собрание переехало в более комфортабельное помещение. Просторное здание с мезонином располагалось также на Большой улице, переименованной позднее в Первый проспект. На выделенные по ходатайству П. В. Казакевича 10 000 руб. для клуба приобрели и доставили морем из Санкт-Петербурга сервиз, столовое серебро, хорошую мебель, портьеры и многое другое. «Новый клуб был гораздо больше и удобнее старого. Зал был очень хороший, а также и гостиная. Буфет, бильярд и игральная находились на верхнем этаже в мезонине». Здесь же разместилась пополненная новыми книгами и журналами библиотека, при которой вскоре на добровольные пожертвования организовали первый в Приамурье музей. В собрании по-прежнему устраивали балы, танцевальные, музыкальные, литературные вечера и спектакли. П. В. Казакевичу разрешили сформировать хор портовых музыкантов и выделили деньги для найма капельмейстера, которого выписали из Германии [13, с. 322, 337]. «Он в короткое время поставил хор на хорошую ногу. Образовалась духовая и балетная музыка... За зиму один раз в неделю были музыкальные вечера, и мы с удовольствием ездили слушать оперы» [13, с. 337]. Однако рождественские праздники прошли скучнее, чем в прошлые годы: военные суда не зимовали, и общество было не столь большим, поэтому спектаклей не устраивали. Ёлки прошли в женском и морском училищах: «молодёжь училища была на ёлке у девиц, а девицы — на ёлке у кавалеров... В особенности у девиц была очень хорошая ёлка, угощение и весёлые танцы даже и для взрослых». 31 декабря в клубе состоялись бал, ужин с шампанским [13, с. 338].

Правда, С. В. Максимов отозвался о деятельности местного собрания не слишком лестно: «В Николаевске нет семейных кружков, хотя и существует тоска одиночества, однообразие интересов; меньше играть в карты, меньше танцевать — всё, одним словом, то, на чём остановилось до сих пор наше провинциальное общество и не пошло дальше. Был порыв замкнуться в клуб, образовать его: и клуб был устроен, но плохо привился, вероятно, от той же причины, что порыв был не искренний, скорее искусственный, как искусственно и самое сопостановление случайных обитателей в этом месте... Напрасно доморощенный оркестр из губастых и грудастых матросов зовёт всех к сближению в кадрили и другие танцы: танцы могут состояться, но едва ли надолго. На бал явится (и не один) так называемый скандалист и разстроит общество. Злые языки говорят, что ни в одном из портовых городов не бывает танцев без скандала...» [8, с. 319—321].

Деятельность морского собрания продолжалась и в дальнейшем: в зиму 1866 г. было поставлено несколько спектаклей в пользу планировавшегося открытия элементарного училища — «Тесть любит честь», «Хлопчатая

бумага», «Женитьба», «Купленный выстрел», «Ворона в павьих перьях», «Тяжба». Во время Великого поста в клубе читались бесплатные публичные лекции. Однако современники были недовольны, что с переездом в новое здание утратилась прежняя атмосфера домашнего уюта и простоты: «Теперь, когда перенесли офицерский клуб в новое здание, всё сделалось как-то чопорно-жеманно, да и костюмы понаехавших из Петербурга дам разорительны. Правда, помещение, обстановка клуба, благодаря высокому вниманию Его Высочества Генерал-адмирала, сделали бы честь любому губернскому городу. Действительно, в нашем комфортабельном Благородном собрании всё вычищено-вылизано. Давно уже не слышатся звуки «восьмёрки» и трёх подшофе артистов давно уже сменил хор сорока человек портовых музыкантов. Благодаря пожертвованию господина Бенардаки роскошная сервировка за клубными обедами. Прежде бал или вечер отличался только тем, что на первом офицеры были в эполетах, а на втором в погонах, да разве в особо торжественные дни стены драпировались флагами, украшались саблями и ружьями. Теперь в клубе роскошь, удобства, во время балов костюмы дам поражают своим вкусом и утонченностью, так что и в эполетах чувствуется недостаточность торжественности. Прежде воспитанники морского училища посещали клуб для отвычки от туземных манер и выговора, теперь институтки посещают вечера и балы как академию» [2]. Автор заметки точно подметил ритуализацию, характерную для досуговых мероприятий российского общества, в провинциальном Николаевске она была слабее выражена в условиях малочисленности населения (балы и танцы отличались лишь «эполетами» или «погонами» на офицерах, имели домашнюю атмосферу), но всё поменялось с переездом в новое здание.

В Благовещенске в начале 1860-х гг. общество стало ещё малочисленнее. Большинство современников подчёркивали скуку, пронизывавшую досуг горожан, и неразвитость общественной жизни, замечали, что попытки организации развлечений быстро приходили в упадок. По свидетельству Д.И. Стахеева, прожившего в Благовещенске два года с весны 1862 г., общество было разбито на кружки, объединению мешали сплетни и интриги, поэтому попытка образовать собрание не увенчалась успехом. «Небольшое общество чиновников и офицеров, сначала так хорошо и дружно жившее, чрез полгода, под влиянием сплетней и дамской хлестаковщины, перессорилось между собой и разделилось на отдельные кружки. Общество купцов г. Благовещенска составляет особенный кружок, где спокойствие ералаша, преобладающего в чиновном кругу, заменяется тревожным штосом, стуколкой и звоном бутылок и стаканов. К этой среде примкнула часть холостого чиновничества...» [17, с. 255].

Среди немногочисленных развлечений Стахеев упоминает балы у военного губернатора области, любительские спектакли. Во время навигации жизнь в городе становилась несколько разнообразнее. Приход первых барж с товарами оживлял Благовещенск. «Чиновники с супругами, казаки, казачки, манчурки и манчурки — все спешат к баржам и производят

в них нечто подобное толчее» [17, с. 244]. Прогулки на бульваре на набережной, где два раза в неделю, в четверг и воскресенье, играл военный оркестр, первоначально внёвшие некоторое оживление в местную жизнь, довольно быстро наскучили, но при отсутствии других развлечений продолжали практиковаться. «Публика лениво и как-то сонно двигалась по набережной улице; видно было, что все друг другу давно наскучили и не знают, куда деваться от бездействия и тоски» [17, с. 257]. И только прибытие пароходов вызывало оживление и наплыв публики на набережной, особенно если прибывал генерал-губернатор или губернатор со свитой. С прекращением навигации жизнь в городе, фактически оторванном от остального мира, замирала, лишь изредка оживляясь во время получения почты и новостей из европейской части России [17, с. 247, 274].

Ещё одним специфическим развлечением было посещение маньчжурских ярмарок, сопровождавшихся беготнёй и суетой маньчжур, знакомством с товарами, общением и бесконечным торгом [8, с. 278—284; 17, с. 247—250]. Ярмарка служила не только и не столько торговому обмену, сколько развлечению: для маньчжур она была «как разсеяние после однообразного сидения в запертом городе...», для русских — «тоже маленькое разнообразие после докучливого одиночества; к тому же можно и потешиться над забавными сценами...» [8, с. 480].

В военном посту Владивосток в 1868 г. проживало 510 чел. [15, с. 326], по большей части нижние чины армии и флота. К 1 января 1879 г. население выросло до 8361 чел., из которых треть составляли военные, ещё треть — китайцы [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 20. Л. 9—12]. В 1860—1870-е гг. во Владивостоке проживали русские купцы, «ещё недавно бывшие крестьянами или отставными военными», иностранные предприниматели, некоторые из них «весьма авантюрного склада характера», офицеры морские и сухопутные, немногочисленные гражданские чиновники, основное же население составляли нижние чины на службе и в отставке. Кроме того, в посту поселили несколько отбывших срок каторги на Каре и в рудниках Восточной Сибири ссыльнопоселенцев [19, с. 36]. По отзывам современников, женщин было настолько мало, что переселённые во Владивосток ссыльно-каторжанки пользовались «неслыханной популярностью» и «даже в некотором роде „роль играли“» [9, с. 36]. На первых порах местное общество объединялось вокруг харизматических личностей. Так, например, отмечалось, что важную роль в поселении, почти не имевшем женщин и мало семейных кружков, играла «матушка Рейтер»⁴ — «поилица и кормилица местного офицерства, всеобщая благословенная матушка на свадьбах, перекрестившая массу ребятишек, женщина прямая и резкая, обладавшая чисто мужским характером» [9, с. 37; РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 2. Л. 35].

Развлечений было очень мало, одной из форм проведения досуга стала охота, охотились даже на окраине поста, а иногда и в его черте.

⁴ Серафима Алексеевна Рейтер — жена подпоручика Рейтера, жившая во Владивостоке в начале 1870-х гг.

В периодической печати, воспоминаниях современников содержится немало упоминаний о тиграх, нападавших на скот, уносивших собак и часто по ночам беспокоивших обывателей. Скука и тоска пронизывали досуг горожан, из-за немногочисленности образованного общества круг общения был весьма ограниченным, новых тем для разговоров практически не находилось, новости из западных регионов шли медленно и успевали устаревать. Имевшиеся в частных руках книги и газеты перечитывались по несколько раз. Обыватели, жившие в посту, делились с Д.И. Шрейдером впечатлениями о своей жизни: «...За эти долгие годы совместной жизни в малолюдном порту мы, может быть, по сто раз повествовали друг другу одни и те же истории... Было переговорено всё, что мы знали, что мы слышали, всё, что нас волновало и мучило, всё, что нам подсказывало наше воображение...» [19, с. 39—41].

Современники с сарказмом и горечью писали о развлечениях офицеров и чиновников в первые годы существования поста. Охота, тайга и местная природа быстро наскучили, повседневные развлечения ограничивались картами и выпивкой. В условиях безнадёжной тоски неудивительным было распространение таких игр весьма авантюрного плана, как «игра в тигра». Д.И. Шрейдер записал воспоминания о ней одного из старожилов Владивостока. Игра происходила в полной темноте в комнате, откуда предварительно выносились вся мебель. Участник, исполнявший роль тигра, сняв обувь, должен был передвигаться по комнате как можно мягче и неслышнее, словно пантера, остальные вооружались револьверами и стреляли по шороху или шуму шагов в сторону «тигра». Подобные игры порой заканчивались серьёзными ранениями, но, как сказал старожил: «Мы тогда очень дёшево ценили нашу жизнь» [19, с. 44]. Упоминаемый современниками в весьма ироничном тоне «клуб ланцепупов», созданный для общественных развлечений, в итоге превратился в сообщество, развлекавшееся розыгрышами, иногда весьма сомнительного свойства [19, с. 42—46].

Однако были в жизни Владивостока и отрадные явления. Благотворительное общество, основанное в 1876 г., кроме своей непосредственной деятельности — содержания двух элементарных школ, финансовой поддержки учеников и малообеспеченных обывателей — немало делало и для развития досуга. Устраивавшиеся им народные гуляния и танцевальные вечера не только позволяли собирать средства, но и заполняли полезными развлечениями однообразное течение повседневной жизни горожан [РГИА ДВ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 509. Л. 225].

Как в Николаевске-на-Амуре и Благовещенске, в военных постах Хабаровске и Владивостоке главной формой общественных развлечений стал любительский театр. Он был очень популярен в имперской России, поэтому неудивительно, что и на дальневосточной окраине такой театр стал одной из первых форм проведения досуга. Даже в условиях оторванности от остальной территории страны, отсутствия материальной базы и достаточных людских ресурсов представители образованного

общества не оставляли попыток не только организовать собственный досуг, но и вовлечь в него солдатские массы, во многих городах являвшиеся преобладающим по численности слоем населения. В Благовещенске 24 декабря 1860 г. нижние чины линейного батальона и артиллерийской команды в одной из казарм представили публике спектакль «Стационарный зритель» по произведению А.С. Пушкина и водевиль «Много шума из пустяков» А.А. Яблочкина. Во Владивостоке в 1873 г. писари флотского экипажа и гарнизона под руководством запасного фельдшера Бакушева поставили пьесу А.Н. Островского «Бедность не порок». Женские роли исполняли каторжанки, жившие во Владивостоке на поселении [1, с. 24]. Зимой 1873 г. состоялся первый любительский спектакль в Хабаровске. Режиссёром выступил инженер-механик Владыкин, а в качестве театрального зала использовали старую казарму. На третий день Рождества вниманию зрителей была представлена пьеса «Что имеем, не храним, потерявши, плачем!». Основной целью мероприятия был сбор средств на покупку учебных пособий для создаваемой Алексеевской школы [20, с. 57—58].

На начальном этапе освоения региона в условиях информационной оторванности от европейской части России, немногочисленности местного общества, состоявшего в основном из офицеров, военных чиновников и купцов, повседневные и праздничные развлечения были не слишком разнообразными и ограничивались взаимными визитами, семейными и холостяцкими посиделками, любительскими спектаклями, охотой, прогулками на свежем воздухе, редкими балами и танцевальными вечерами. Важнейшим побудительным мотивом организации общественного досуга в городах дальневосточной окраины была необходимость скрасить рутинную и довольно скучную повседневную жизнь, при этом воссоздавались привычные для российского образованного общества практики — визиты, пикники, домашние посиделки с картами, балы и танцевальные вечера. Первые попытки организации общественного досуга — устройство народных гуляний, танцевальных вечеров, концертов — предпринимались и немногочисленными общественными организациями — благотворительными обществами, кружками и т.п. Наиболее удачной в этом плане можно считать организацию морского собрания в Николаевске-на-Амуре, подхваченную и в остальных дальневосточных городах, но уже в 1880—90-е гг.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Андриец Г.А. Солдатские спектакли в Западной Сибири и на юге Дальнего Востока России // Сибирь в изменяющемся мире. История и современность: материалы всероссийской науч.-теор. конф., посвящённой памяти профессора В.И. Дулова. В 2 кн. Кн. 1. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. пед. ун-та, 2008. С. 21—27.
2. Восточное Поморье. 1866. 14 мая.

3. Гончаров Ю.М. Очерки истории городского быта дореволюционной Сибири (середина XIX — начало XX в.). Новосибирск: Изд-во дома «Сова», 2004. 358 с.
4. Комиссаренко С.С. Культурные традиции русского общества. СПб.: СПбГУП, 2003. 304 с.
5. Куприянов А.И. Русский город в первой половине XIX в.: общественный быт и культура горожан Западной Сибири. М.: АИРО—XX, 1995. 160 с.
6. Литягина А.В. Досуг в городах России во второй половине XIX — начале XX в. // Вопросы истории. 2007. № 10. С. 136—142.
7. Ловелл С. Досуг в России: «свободное» время и его использование // Антропологический форум. 2005. № 2. С. 136—173.
8. Максимов С.В. На Востоке. Поездка на Амур (1860—1861 гг.). Дорожные заметки и воспоминания. СПб.: Тип. тов-ва «Общественная польза», 1864. 588 с.
9. Матвеев Н.П. Краткий исторический очерк г. Владивостока. Владивосток: Изд-во «Уссури», 1990. 304 с.
10. Некрылова А.Ф. Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища. Конец XVIII — начало XX века. Л.: Искусство, 1984. 191 с.
11. Невоструев Н.А. Образование и развитие элементов гражданского общества на Урале во второй половине XIX — начале XX в.: дис. ... д-ра ист. наук. Пермь, 2006. 447 с.
12. Очерки городского быта дореволюционного Поволжья. Ульяновск: Изд-во Средневож. науч. центра, 2000. 692 с.
13. Петров А.И. Амурский щит. Записки первостроителя Николаевска-на-Амуре. Хабаровск: Хабар. кн. изд-во, 1974. 416 с.
14. Позняк Т.З. Города дальневосточной окраины: условия и факторы роста (вторая половина XIX — начало XX в.) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. Владивосток. 2007. Вып. 3(4). С. 22—36.
15. Пржевальский Н.М. Путешествие в Уссурийский край. Владивосток: Примиздат, 1949. 346 с.
16. Розенталь И.С. «И вот общественное мнение!» Клубы в истории российской общестственности. Конец XVIII — начало XX в. М.: Новый хронограф, 2007. 398 с.
17. Стахеев Д.И. За Байкалом и на Амуре. Путевые картины. СПб.: Тип. К. Вульфа, 1869. 347 с.
18. Туманова А.С. Общественные организации и русская публика в начале XX века. М.: «Новый хронограф», 2008. 320 с.
19. Шрейдер Д.И. Наш Дальний Восток (Три года в Уссурийском крае). СПб.: Изд-во А.Ф. Девриена, 1897. 469 с.
20. Шавгарова А.В. Становление и развитие театральной культуры на Дальнем Востоке России (вторая половина XIX — начало XX в.): дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2002. 242 с.

REFERENCES

1. Andriec G.A. Soldatskie spektakli v Zapadnoy Sibiri i na yuge Dal'nego Vostoka Rossii (XIX v.) [Soldiers' Plays in West Siberia and South Far East of Russia (XIX century)]. *Sibir' v izmenyayushemysya mire. Istoriya i sovremennost': materialy vsrossiyskoy nauch.-teor. konf., posvyashennoy pamyati professora V.I. Dulova* [Siberia in the Changing World. History and Modernity: Materials of Russian Research and Theoretical Conference Dedicated to Memory of Professor V.I. Dulov]. V 2-h kn. Kn. 2. Irkutsk, Irkutskij Gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet Publ., 2008, pp. 21—27. (In Russ.)
2. *Vostochnoe Pomor'e*. 1866. May 14. (In Russ.)

3. Goncharov Y.M. *Ocherki istorii gorodskogo byta dorevolucionnoy Sibiri (seredina XIX — nachalo XX v.)* [Studies of Everyday Life in a Pre-Revolutionary Siberian Town (Middle 19th — Early 20th Century)]. Novosibirsk, “Sova” Publ., 2004, 358 p. (In Russ.)
4. Komisarenko S.S. *Kul’turnye tradicii russkogo obshestva* [Cultural Traditions of Russian Society]. St. Petersburg, SPbGUP Publ., 2003, 304 p. (In Russ.)
5. Kupriyanov A.I. *Russkiy gorod v pervoy polovine XIX v.: obshestvennyi byt i kul’tura gorozhan Zapadnoy Sibiri* [Russian Town in the First Half of the 19th Century: Social Life and Culture of West Siberian Citizens]. Moscow, 1995, 160 p. (In Russ.)
6. Lityagina A.V. *Dosug v gorodah Rossii vo vtoroy polovine XIX — nachale XX v.* [Leisure Activities in Russian Towns in the Second Half of 19th — 20th Century]. *Voprosy istorii*, 2007, no. 10, pp. 136—142. (In Russ.)
7. Lovell S. *Dosug v Rossii: “svobodnoe” vremya i ego ispol’zovanie* [Leisure in Russia: ‘Free’ Time and Its Uses]. *Antropologicheskii forum*, 2005, no. 2, pp. 136—173. (In Russ.)
8. Maksimov S.V. *Na Vostoke. Pezdka na Amur (v 1860—1861 gg.). Dorozhnye zametki i vospominaniya* [In the East. A Trip to Amur (1860—1861). Road Notes and Memoirs]. St. Petersburg, Tipografija Tovarishhestva “Obshestvennaya pol’za” Publ., 1864, 588 p. (In Russ.)
9. Matveev N.P. *Kratkiy istoricheskiy ocherk g. Vladivostok* [Brief Historical Sketch of Vladivostok]. Vladivostok, Ussuri Publ., 1990, 304 p. (In Russ.)
10. Nekrylova A.F. *Russkie narodnye gorodskie prazdniki, uveseleniya i zrelisha. Konec XVIII — nachalo XX v.* [Russian Folk Town Festivals, Entertainments and Sights. Late 18th — Early 20th Century]. Leningrad, Art Publ., 1984, 191 p. (In Russ.)
11. Nevostruiev N.A. *Obrazovanie i pazvitiye elementov grazhdanskogo obshestva na Urale vo vtoroy polovine XIX — nachale XX vv.* Diss. dokt. ist. nauk [Education and Development of Civil Society’s Elements in Urals in the Second Half of 19th — Early 20th Century. Dr. hist. sci. diss.]. Perm’, 2006, 447 p. (In Russ.)
12. *Ocherki gorodskogo byta dorevolucionnogo Povolzh’ya* [Sketches of Town Life of Pre-Revolutionary Volga Region]. Ulyanovsk, Srednevolzhskiy nauchnyj centr Publ., 2000, 692 p. (In Russ.)
13. Petrov A.I. *Amurskiy schit. Zapiski pervostroitel’ya Nikolaevska-na-Amure* [Amur Shield. Notes of a Pioneer Builder of Nikolaevsk-on-Amur]. Khabarovsk, Habarovskoe knizhnoe izdatel’stvo Publ., 1974, 416 p. (In Russ.)
14. Poznyak T.Z. *Goroda dal’nevostochnoy okrainy: usloviya i factory rosta (vtoraya polovina XIX — nachalo XX v.)* [Towns of the Far-Eastern Outskirts: Growth Conditions and Drivers (Second Half of 19th — Early 20th Century)]. *Oykumena. Regional researches*, Vladivostok, Dal’nauka Publ., 2007, Vol. 3(4), pp. 22—36. (In Russ.)
15. Przheval’skiy N.M. *Puteshestvie v Ussuriyskiy kray* [A Trip to Ussuri Krai]. Vladivostok, Primizdat Publ., 1949, 346 p. (In Russ.)
16. Rozental’ I.S. *“I vot obschestvennoe mnen’e!” Kluby v istorii rossiyskoy obschestvennosti. Konec XVIII — nachalo XX vv.* [‘And there you have public opinion’: Clubs in the Russian Society’s History. Late 18th — Early 20th Century]. Moscow, 2007, 398 p. (In Russ.)
17. Staheev D.I. *Za Baikalom i na Amure. Putevye kartiny* [Across Baikal and on Amur. Road Pictures]. St. Petersburg, K. Wolf Publ., 1869, 347 p. (In Russ.)
18. Tumanova A.S. *Obschestvennyye organizatsii i russkaya publika v nachale XX veka* [Public Organizations and Russian Population in the Early 20th Century]. Moscow, 2008, 320 p. (In Russ.)
19. Shreyder D.I. *Nash Dal’niy Vostok. Tri goda v Ussuriyskom kraye* [Our Far East (Three Years in Ussuri Krai)]. St. Petersburg, A.F. Devrien Publ., 1897, 469 p. (In Russ.)
20. Shavgarova A.V. *Stanovlenie i razvitiye teatral’noy kul’tury na Dal’nem Vostoke Rossii (vtoraya polovina XIX — nachalo XX vv.)* Diss. kand. ist. nauk [Buildup and Development of Theatre Culture in the Russian Far East (Late 19th — Early 20th Century). Cand. hist. sci. diss.]. Vladivostok, 2002, 242 p. (In Russ.)